
УДК 82.0 (470.621)

ББК 83.3 (2=Ады)

X 98

Хуажева Н. Х.

*Кандидат филологических наук, доцент кафедры адыгейской филологии
Адыгейского государственного университета, e-mail: fafk79@mail.ru*

**Художественная концепция личности
в романах об историческом прошлом А. Евтыха
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматриваются романы Аскера Евтыха об историческом прошлом на предмет анализа в них способов художественного воплощения концепции личности («Баржа», «Бычья кровь»). Представлена теоретическая основа научной проблемы. Используются исследования ученых по творчеству Аскера Евтыха, раскрывается новаторское решение проблемы человеческого характера и взаимоотношений человека и истории, которое реализуется через сложную сюжетно-композиционную структуру. Через образы дается история, которая «растворяется» в стиле, в особенностях повествования и индивидуализации речи героев.

Ключевые слова:

Проза, стиль, многосюжетность, двухполюсная композиция, повествование, образ-лейтмотив, художественная индивидуализация, принцип историзма, психологизм, творческая индивидуальность.

Khuazheva N.Kh.

*Candidate of Philology, Associate Professor of Adyghean Philology Department,
Adyghe State University, e-mail: fafk79@mail.ru*

The art concept of the person in novels on historical past by A. Evtykh

Abstract:

This paper examines the novels of Asker Evtykh about the historical past with the purpose to analyze in them the ways of artistic realization of the concept of the person ("Barge", "The Bull blood"). The theoretical basis of this problem and the used researches of scientists on creativity of Asker Evtykh are presented. The author discloses innovative solution of the problem of human character and mutual relations of the person and history which is realized through the complicated plot-composition structure. The history is shown through the images. It "is dissolved" in style, in features of a narration and in an individualization of speech of heroes.

Keywords:

Prose, style, multi-plot nature, a bipolar composition, a narration, an image-leitmotif, art individualization, a principle of historicism, psychologism, creative individuality.

Человек в отношении к истории – литературе 80-90-х годов, аспект, высвечивающий ценностно-ориентационную концепцию личности в художественной подструктуре человеческой деятель-

ности. Именно здесь максимально выявляются главные критерии гуманности человеческого поведения, убедительно решаются проблемы свободы и нравственного выбора, личной, родовой, классовой ответственности. Здесь наглядна связь времен в судьбе человека, явление времени во всех во всех измерениях герою и читателю.

Авторы романов об историческом прошлом разрабатывают в основном две коллизии: человек в ладу со временем и человек, отстающий от времени или его опережающий.

Проблема «Человек и история» в адыгейской и русской литературах в разные периоды трактовалась далеко не однолинейно. Достаточно сослаться на романы, разъединенные временной дистанцией (Т. Керашева – «Дорога к счастью» и «Одиноким всадник», А. Евтыха – «Старший брат», «Баржа» и «Бычья кровь»), чтобы увидеть разницу в решении обозначенной проблемы: социально-историческая детерминированность личности уступала место концепции нравственной ответственности человека за выбор в событиях, влияющих на ход истории. Эту мысль подтверждает и советская проза 70-80-х годов: произведения В.Быкова, Ю.Бондарева, В.Распутина, Д.Гранина, Ю.Трифонова, романы адыгейских писателей И.Машбаша и Ю.Чуяко.

В произведениях на историческую тему конца XX века возрастает интерес к отдельной человеческой личности, ее духовному миру, ее психологии. «Авторым герой шьхьа1эхэм я1эк1оц1 дунай-к1э хьугьэ-ш1агьэхэр кьелуатэ» [1: 14]. Акцент переносится на характер героя, который уступает свое давнее право быть примером для подражания и неотступно привлекает внимание к своей драматической судьбе, к своим противоречиям, отражающим столь же драматическую связь между личностью и историей. Диалектика этой связи становится главным средством изображения истории, потес-

нив ее иллюстрации через образы героев, описание обстоятельств.

Художественная концепция личности стремится воплотиться в системе сложных человеческих характеров, далеких от однолинейности, одноцветности. Кризисные ситуации в области духа начинают интересовать авторов не менее, чем перипетии жизни героев. Гуманистическая концепция личности все чаще расходится с традиционной оптимистической, сложившейся под влиянием принципов социалистического реализма.

Эти качества новой исторической прозы мы находим ярко выраженными в романах А.Евтыха конца XX века, которым дано жанровое определение «синтезированный роман, отличающийся психологической глубиной и тяготеющий к интеллектуально-ассоциативному стилю изложения» [2: 252]. Речь идет о романах «Баржа» [3] и «Бычья кровь» [4], воплощающих авторскую концепцию личности, которая проявляет себя в сюжетно-композиционной организации, типах героев и стиля.

Если «Глоток родниковой воды» – знак тяготения автора к новаторскому решению проблемы человеческого характера и взаимоотношений человека и истории, то романы, составившие историко-философскую дилогию А.Евтыха, это новое решение полностью содержат. «Баржа» и «Бычья кровь» своей интересной сюжетно-композиционной структурой (двухполюсная композиция, многосюжетность, образ – символ как организующий центр) уже составляют большой многогеройный мир, где у каждого персонажа есть свое лицо, свой голос, своя мысль о жизни.

Через их образы дается и история; кроме того, она «растворена» в стиле автора, в особенностях его повествования и индивидуализации речи героев. Главный аспект авторского исследования характеров – человек в отношении к революционному времени в его политическом, историческом, философском содержании. Отсюда в дилогии значительное место за-

нимает философия истории, политики, этики. Автор как бы проверяет исторические события, моральные устои общества, направляя на них перекрестные лучи взглядов и суждений, принадлежащих людям разных наций, сословий, политических ориентаций. В этой многоликой и многоголосной массе людей А. Евтыха удается индивидуализировать буквально десятки персонажей, воплощающих авторскую концепцию личности.

Но главная линия повествования связана с тремя героями: Хаджи Исмаилом, князем Аладжем и И.П. Щербиной. Именно через осмысление этими героями событий и представляется читателю зачатую и историю, и политика, и мораль, и быт Кубани и Закубанья.

Соответственно принцип расстановки героев на «сцене» произведений подчиняется не традиционной антитезе, а соотносится с авторской концепцией личности: человек не безнационален, даже если он скрывает свои истинные национальные принадлежности, подобно хану Гирею или господину Н. Но национальный менталитет обогащает личность лишь в согласии с общечеловеческой моралью гуманизма. Эта авторская идея находит последовательное воплощение в судьбе адыга Исмея Малаха и казака Ивана Щербины. Большинство глав дилогии так или иначе связано с этими героями, идейно-композиционное значение их образов определяет кульминацию событий, объединяющую такие разные характеры.

В отличие от традиционной историко-революционной прозы 40-50-х годов, сосредоточивавшей внимание на фигурах героев-преобразователей социальной действительности и на образах людей из народа, А. Евтых, можно сказать, впервые в адыгейском романе выдвигает на первый план адыгейскую и казачью интеллигенцию. «История дана в романе через сложнейшую диалектику внутренней жизни героев» [5: 239].

В ее изображении автор отступил

от традиции русского романа 20-х годов в показе «мятущейся», «испуганной» интеллигенции, несущей в своем сознании вину перед народом, готовой к жертвенности или испытывающей жгучую ненависть к «голодранцам». Художественное внимание А. Евтыха сосредоточено на сложных, исторически верных характерах людей, думающих, чувствующих неоднозначно, к кому невозможно приложить однолинейное понятие «положительный» или «отрицательный» герой. В их психологии, образе мыслей, поступках – отзвуки благородства предков, высокие нравственные понятия о порядочности и чести; от своего сословия они унаследовали не спесь, не чванство, а гордость, чувство собственного достоинства, «труд души», умение понять других и вслушаться в свое время. Эти вечные гражданские качества преобладают над слабостями и недостатками героев.

Своего рода прообразом адыгейского интеллигента эпохи социальных революций в романе А. Евтыха является Гарун Айтеков – национальный тип просвещенного адыга нового времени («Глоток родниковой воды»).

В последующих романах автор создает родственный Айтекову образ адыгейского интеллигента, проходящего драматическую дорогу духовных поисков, осложненных его особым положением – религиозного лица в сане хаджи (хаджи Колоков в повести «Воз белого камня»). Исмель Малах – воплощение нового взгляда Евтыха на человека в эпоху революций («Баржа», «Бычья кровь»).

С первых же страниц дилогии автор ставит своего героя в состояние нравственного выбора и в политическом, и в мировоззренческом планах, показывает два круга «хождения» героя «за правдой», драматизм его духовных и нравственных поисков, верность Исмея, несмотря ни на что, своим гуманистическим убеждениям. Ощущение подлинности героя создается многими художественными средствами, среди которых преобладает анализ «диа-

лектики души» Исмеля. В этом – психологическом пласте изобразительности – преимущественно и кроется секрет эстетического и человеческого обаяния Исмеля Малаха, сделавший его по-настоящему новым типом героя в адыгейской прозе.

В диалогии выделяется образ еще одного героя – Ивана Петровича Щербини. Это характер сложный, динамически движущийся и в своем развитии, и в авторском углублении в его психологию. Щербина – казак дворянского сословия, со всеми признаками этих двух социальных принадлежностей. Он горд, независим, умен, с остро развитым чувством патриотизма, враждебностью к «мужикам» и недоверием к черкесам.

В водовороте политических бурь и катаклизмов Щербина пытается остаться «сам по себе», независимым и от большевиков, и от их противников. Но автор принципиально замечает исподволь идущие в герое перемены. Они начались с сомнений относительно планов «кубанской автономии», кристаллизовались в растущем недоверии к идее особой миссии казачества, идее «казачьей» России. Автор показывает рост уважения Щербини к патриотическому чувству адыгов одновременно с шаткостью его упований на возможность служить вне политики или в союзе с врагами «мужиков». Сообразно с правдой такого характера, как Щербина, автор намечает и его судьбу – подъем и падение кубанского казака, «решившего выйти на широкую политическую арену и помешать тому движению, которое уже невозможно было остановить ...» [4: 92]. Это «падение» произошло у Щербини не в силу неодолимости революционного процесса, а из-за бескомпромиссной позиции героя. Однако, как убедительно показал А. Евтых, эта позиция естественна для человека, который руководствуется гуманистическими понятиями – в бесчеловечное время борьбы и крови. Впервые в диалогии А. Евтыха в образе Щербини выражена авторская сосредоточенность

на поисках человеком самого себя, «идентичности» с самим собой.

Концепция человека в диалогии получила своеобразное художественное завершение в образах старого Аладжа, хана Гирея и людей из народа. Помимо композиционной роли-связи многих узлов диалогии, – образ Аладжа воплощает один из аспектов идеологической жизни адыгского общества. Главное же – в этой противоречивой фигуре заключен один из художественно сильных характеров.

Автор сделал своего героя не традиционным воплощением зла, а живым мыслящим человеком, претендующим быть идеологом адыгства. В образе Аладжа автор воплотил концепцию незаурядной личности, трагедия которой в том, что она отстала от времени, не позволив разуму выйти за пределы сословных предрассудков.

Образ Гирея, человека антинародного лагеря, А. Евтых тоже лишает одноцветности, разрабатывая сложный характер, вмещающий и привлекательные стороны. Тем не менее, авторская интерпретация его образа – человека, глубоко враждебного и адыгам, и русским, – последовательно реализована.

В образах других героев подчеркивается мысль о том, что национальное достоинство и самосознание обогащает личность лишь в согласии с общечеловеческой идеей гуманизма. По этому принципу и группируются все разнонациональные герои диалогии, прежде всего люди из народа: Хатрак, Фрося, Марьян, Лима, Супрун, Паша и другие, в изображении которых автор достиг совершенства художественной индивидуализации. На их фоне выглядит бледным образ большевика Янкина, не из-за недостатка изобразительных средств, а из-за однолинейности самого характера большевика – политического фанатика.

Автор смело погружает читателя в кипучий человеческий мир эпохи революций, находит место для колоритных опи-

саний быта, обычаев, нравов, семейного уклада огромного человеческого разнообразия. И ему удается именно через этот аспект художественного изображения передать историзм происходящего.

Талант Евтыха позволил утвердить в адыгейской прозе новый принцип историзма художественного мышления, гармонично сочетающего точность видения времени с психологизмом, кажущуюся отстраненность эпического повествования с множеством субъективных мотивов и тональностей.

Концепция личности находит художественное воплощение как и в историзме авторского мышления, так и в особенностях его полифонического стиля. Пластичность и зримость повествовательно-описательных моментов достигается речевой индивидуализацией персонажей, мастерской игрой художественных подробностей, языковых элементов, передающих национальный колорит.

Автор, чей родной язык адыгейский, мастерски владеет особенностями

и оттенками русской речи, передает диалектизмы, особенности кубанского говора, обобщенно-абстрактный язык дворянской интеллигенции, политическую речь партийных вожаков, поэзию языка влюбленных. Рассуждения его героев, как правило, лишены подчеркнутой рассудочности и речевой правильности. Они образны, их форма неожиданна, своеобразна. Главное же, автор тонко передает атмосферу мысли, жизни духа людей на переломе эпох. Единому стилевому сплаву разных начал позволяют держаться сквозные образы-лейтмотивы: зари, города, храма, красного цвета, коня и всадника, реки, гор, леса и др.

В диалогии создан полнокровный мир живых людей. Наряду с крупными творческими индивидуальностями в адыгейской прозе, А. Евтых стал тем писателем, который придал новый импульс художественному развитию адыгейской прозы, воплотив в нее новую концепцию личности, найдя ей адекватное художественное решение.

Примечания:

1. Востхашева Т.М. А. Еутыхым ироманэу «Глоток родниковой воды» зыфи1орэм хэт характерхэм ягъэпсык1 // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2009. Вып. 1 (41). С. 13-16.
2. Панеш У.М. Типологические связи и формирование художественно-эстетического единства адыгских литератур. Майкоп, 1990. 275 с.
3. Евтых А.К. Баржа. М., 1983. 527 с.
4. Евтых А.К. Бычья кровь. Майкоп, 1993. 494 с.
5. Тхагазитов Ю. Эволюция художественного сознания адыгов. Нальчик, 1996. 251 с.

References:

1. Востхашева Т.М.А. Eutyhum ироманэу «the Drink of spring water» зыфи1орэм хэт характерхэм ягъэпсык1 // Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». 2009. Issue 1 (41). P. 13-16.
2. Panesh U.M. The typological relations and the formation of the art and aesthetic unity of the Adyghe literatures. Maikop, 1990. 275 pp.
3. Evtых A.K. A barge. M., 1983. 527 pp.
4. Evtых A.K. The bull's blood. Maikop, 1993. 494 pp.
5. Tkhagazitov Yu. The evolution of the art consciousness of the Adyghe. Nalchik, 1996. 251 pp.